

ЯБЛОНЯ

Плоды одного дерева

*Посвящается молодым дончанам и харьковчанам,
в частности тем, кто будет молод вечно*

«Яблоня: плоды одного дерева»

Работа над созданием сборника произведена участниками Диалога «Донецк-Харьков»
2020-21 Молодежной инициативы «Мирные Города».

Политические позиции авторов рассказов, выраженные в сборнике, не
поддерживаются Молодёжной инициативой «Мирные Города».

В случае возникновения вопросов, предложений или критики касательно сборника,
читатель имеет возможность связаться с коллективом редакторов и отдельными
авторами по почте

anthology.youth@gmail.com

© 2021, 2023 Молодежная инициатива «Мирные города»

Для воспроизведения всей или части данной публикации необходимо письменное
согласие коллегии редакторов и ссылка на источник

Опубликовано в 2023.

Первое издание опубликовано в 2021. Второе в 2023.

Оглавление

Предисловие	4
Под моими небесами	5
Ну и люди!.....	9
Моя проверка на прочность	15
Школьные дни.....	20
Запах забытых дорог.....	25
Железная птица.....	30
Взгляд юноши на войну	36
Близь линии фронта	39
Донецк – наша боль и надежда	45
Война на Донбассе	48

Предисловие

Сборник под названием «Яблоня: плоды одного дерева» посвящён рассказам донецкой и харьковской молодежи о войне. Десять коротких рассказов молодых людей по разную сторону линии разграничения дают возможность читателям увидеть вооруженный конфликт с новой перспективой. Личные автобиографические эпизоды рассказов не оставляют равнодушным. Война глазами юных людей совсем не представляется как что-то необходимое или привлекательное. Скорее наоборот, сборник показывает ужасы войны и деструктивность её последствий сквозь призму личного опыта молодёжи. Признание проблемы - первый шаг к её решению.

"Яблоня: плоды одного дерева" - такое название выбрано неслучайно: плодами общего дерева являемся мы - молодёжь, которая разделена войной. В народе говорят, что яблоки от яблони недалеко падают. Насколько же велико расстояние между ними в нашем случае? Ответ на этот вопрос предстоит дать каждому читателю в первую очередь самому себе.

Мы выражаем благодарность коллективу авторов с Донецка и Харькова, которые добровольно поделились своими глубокими переживаниями прошлого с читателями. Опыт создания этого сборника принёс немало пользы и самим редакторам, которые также находятся по разную сторону серой зоны. В процессе работы был установлен искренний диалог, разрушены стереотипы. Коллегия редакторов верит в силу правдивого слова и то что оно не проходит бесследно. Смеем надеяться, что чем больше подобных текстов будут представлены широкой общественности, тем скорее война будет завершена.

На страницах сборника вы не встретите ни политической агитации, ни пропаганды, а только личный опыт молодых людей.

Желаем читателям прежде всего раскрыть для себя человека по ту сторону линии разграничения. Пусть этот новый опыт и перспектива станет ещё одним шагом на пути к примирению. Признание того, что мы плоды одного дерева является основанием для мирной жизни на родной земле.

Май 2021, гг. Донецк и Харьков

Агарков М.В., Оверчук О.С. и другие

Под моими небесами

*Вы замечали, что небо в
каждом городе разное?* Скептики

скажут, что дело в химическом составе воздуха, но я думаю, что оно – отображение того, что происходит под ним. Когда звучала полька детства - небо было розовым, когда в вальсе закружилась юность - кристально-голубым, а когда пришла война – все краски словно поблекли.

Это была весна 14-го. Как мы и ожидали, с наступлением тепла улицы заполнялись цветущими деревьями, и мягкие солнечные лучи как бы растворялись в воздухе, оставляя после себя аромат молодости и надежды. Вот только мы никак не ожидали, что это будет наша последняя весна дома. Пережив сложную зиму, полную страха и горя, мы радовались, что смута в столице стала успокаиваться, а стремление к чести и справедливости одерживало верх.

Мне шестнадцать лет, я лицеистка. Скоро выпускной. А за ним, по моему мнению, последуют годы университетской жизни за пределами дома, осуществление самых сладостных мечтаний и радостные приезды домой на каникулы. В шестнадцать лет мир кажется гораздо более добрым и щедрым, победа справедливости обязательной и неизбежной, и даже митинги в Донецке не страшат, потому что после Майдана ты почему-то уверен, что зла больше не будет. Конечно, еще не понятно, что происходит в Крыму, на лицах матерей Небесной сотни блестят слезы, но ведь уже весна, а значит, оставшиеся тревоги должны вот-вот растаять, как недавно растаял снег. Такие наивные мысли наполняли мою голову в то время, как вокруг все чаще стали звучать

разговоры об угнетении русскоязычного населения, в ответ на них свидетельства о страшных расправах с носителями желто-голубых ленточек, споры между давними соседями, между незнакомыми людьми на остановках. Общество внезапно раскололось, обсуждение грядущего референдума, а вскоре и его результатов стало самой горячо обсуждаемой темой. Строя прогнозы на будущее Восточной Украины, мы пытались не забыть о приближающихся экзаменах и выборе выпускного платья. До тех тревожных недель меня мало интересовала современная политика, но вдруг я поняла, что история, всегда привлекавшая меня в качестве науки, пишется прямо сейчас, на улицах моего города. Я слышала, как вооруженные незнакомцы забирали у людей машины, как штурмовали госучреждения, как вокруг все чаще и чаще раздавались звонки с угрозами. И даже распевая любимую «Vivat, academia» в лицейских стенах, душу больше не покидали волнения, что конфликт лишь набирает обороты. Вот тогда небо стало блекнуть. По крайней мере, у людей, не отрывавших глаз от газет и телевизионных дебатов, больше не было времени на него смотреть. Наступил выпускной. Цветы, поздравления, слезы - все, как положено. Удивительный вечер, когда шелест платьев заглушил жаркие споры о последних событиях. Теплые признания, объятия, искренние пожелания и последний школьный вальс. Мы были взволнованы и счастливы. Оставалось только встретить рассвет, который должен был символизировать начало взрослой жизни, исток прекрасного пути. Я уверена,

что тот рассвет был необычайно красив, но мы его не видели – он был где-то над облаками. Небеса затаили свои просторы густой дымкой и тщательно скрыли акварельные разводы восходящего солнца. Моя школьная жизнь закончилась совсем не так, как показывают в американских фильмах про выпускной: то утро я встретила в слезах, но вовсе не от счастья и даже не от досады на неудавшийся рассвет, а потому, что ближе к утру раздался телефонный звонок, после которого отец спокойным и ровным тоном объявил, что сегодня мы с братьями едем ночевать к бабушке, так как домой возвращаться опасно.

Когда война подходит совсем близко к твоей семье, когда начинаешь чувствовать ее гниющий запах, все наивные юношеские представления о жизни бесследно отступают. Когда военные машины, БТРы и танки заполняют доселе мирные улицы, когда трехцветные флаги нагло развиваются над родной землей, когда сказать свое «против» чревато не только для тебя, но и твоих близких, тогда совсем забываешь смотреть на небо. Реальность оказывается смертельной, а смерть вполне реальной. Все больше знакомых и друзей планируют отъезд, все тягостнее становится молчание.

Через несколько дней после выпускного мы с братьями выехали в Киев, чтобы сдавать ЗНО, а на следующий день железнодорожное сообщение прекратилось. Еще какое-то время мы думали, что сможем вернуться домой, но когда через несколько недель и нашим родителям чудом удалось выехать из зоны конфликта, стало ясно, что пути назад больше нет. Мы с братом сдали экзамены, поступили в университеты. Так началась моя студенческая жизнь в Харькове.

События на Донбассе развивались стремительно, и, несмотря на все занимательные хлопоты первокурсника, я не переставала следить за новостями. Память о счастливых днях, проведенных с давними друзьями на улицах, где «все просто и знакомо» будоражила мою душу. Мне нравился Харьков, я и планировала поступать в этот город. Но понимание, что война провела черту не только по земле, но и в моей биографии, навсегда разделив жизнь на «до» и «после», громом звучало в моих ушах. Мне хотелось вернуться домой хоть ненадолго, но я не могла. Мне хотелось встретиться с друзьями, но большинство из них до сих пор и уже навсегда разбросаны по разным городам страны. Мне так хотелось увидеть закат над нашей улицей, но на соседней велись бои. И часто вспоминая дом, я долго не поднимала глаза на харьковское небо, а значит, и не могла полюбить этот город всей душой.

Так прошел год. Перерывы между стрельбой стали больше, и люди стали чуть крепче спать. Тогда я первый и последний раз за все это время приехала домой. Мое сердце радостно трепетало от ожидания встречи с близкими людьми и местами, где я училась ходить. Мы проехали украинский блокпост и подъезжая к ДНР-овскому я увидела трехцветный флаг – он загорался мне мое родное небо. Я никогда не забуду тот момент: внутри меня что-то разорвалось, вжавшись в спинку кресла и как бы пытаясь отдалиться от увиденного, мне вдруг захотелось выпрыгнуть из машины и бежать со всех сил назад, прочь от дома. В те дни я впервые поняла, что у меня забрали дом. Я бродила по родным переулкам, гуляла в школьном дворе, встречала соседей, которые в детстве угощали меня

конфетами. И видела обстрелянные здания, пустые детские площадки и непонятную мне злость в глазах давних знакомых, когда те узнавали, что я «украинка». У меня забрали дом. То дорогое и близкое, что должно быть у каждого человека. Мой город больше не мой. Думаете, я драматизирую? Ваше право, но это моя история, в которую без спроса внесла свою лепту война.

Последнее, что я помню о доме – это небо. Был август, и мы долго сидели в нашем дворе, закинув головы вверх. Теплый воздух окутывал нас целиком, откуда-то доносились звуки летней ночи, а мы молчали, жадно вглядываясь в звездное небо. Никогда больше я не видела такой глубины. Казалось, некто

расстелил перед нами всю Вселенную. Звезды падали одна за другой и мы, давно замершие в восторге, совсем забыли, что за забором - война.

Удивительная вещь – небо. Оно везде разное. В разных городах и временах. Только то, что видело тебя маленьким навсегда останется особенным. Герой одного советского фильма сказал: «Нигде и никогда, ни в одном городе мира ...звезды не светят так ярко и пленительно, как в городе детства». Это правда. Я знаю. У меня забрали дом, и я научилась любить харьковское небо. Но никогда мне не забыть, как сияют звезды над городом моего детства.

Ну и люди!

Лето 2013-го года, город Святогорск. Здесь, в детском лагере «Перлина Донеччины» только что отшумела вторая смена. В день отъезда по аллеям среди корпусов и высоких зелёных сосен туда-сюда бегают ребята с сумками и рюкзаками. Из колонок по всему лагерю эхом раздаётся какая-то приятная музыка, которую едва слышно из-за общего человеческого гула, смеха, скрипа дверей и окон в корпусах. В толпе кто-то явно рад, что наконец покидает «Перлину», а кто-то не может сдержать слезы, обнимая своих любимых вожатых.

И вот, попрощавшись и обменявшись обещаниями встретиться со всеми, кого знал и не знал, выходил из этой эмоциональной толпы я – подросток тринадцати лет в футболке «Шахтёра», которую удалось выменять у соседа по комнате на банку лимонада «Живчик» и чёрный браслет с черепами. Рядом шёл отец, который помогал мне нести сумки. Я ему потом всю дорогу рассказывал про свою смену, а он делился воспоминаниями о пионерских лагерях своего детства. Тогда, уезжая из солнечного и зелёного Святогорска, мы оба были уверены, что следующим летом отец снова получит путёвку в этот же лагерь, и я снова приеду сюда отдохнуть.

Не поехал.

Помню, как сумбурно начинались для меня все эти события. Апрель-май 2014-го, весна в самом разгаре. Всё цветёт, зеленеет, а в Азовском море, на берегу которого расположен посёлок, уже вполне можно было купаться. Именно в мае над зданием администрации был впервые поднят новый флаг. Тогда многих заинтересовали новые цвета на флагштоке, ведь последний раз их меняли в 1991-м году. Была суматоха с

референдумом, приезжали какие-то журналисты... И хотя война уже шла в Славянске, Краматорске, Луганске и Донецке, мы лишь слышали о ней из уст знакомых людей, тогда как незнакомые люди по телевизору говорили о ней гораздо больше и эмоциональнее.

Новый дизайн флага продержался недолго: уже в конце мая вернулся двухцветный, причём его теперь было в десятки раз больше – флаги вешали везде, где только можно было их повесить. В это же время в посёлок хлынули автоколонны серых пикапов с эмблемой «Азова» на бортах. Люди в кузовах этих пикапов явно хотели походить на командос из американских кинолент – чёрная униформа с не менее чёрной разгрузкой, модные очки-авиаторы, автоматы наперевес... Много таких воинов каталось по улицам, периодически устраивая облавы в летние кафе или проводя поквартирную проверку документов с «целью выявления сепаратистских групп». Не знаю, находили ли они то, что искали, но до конца июля «азовцы» резко исчезли из посёлка и его окрестностей, а их место занял батальон «Дніпро». Принципиально они ничем не отличались от своих предшественников, разве что заняли несколько пансионатов с хорошими пляжами под свои нужды. Забегая наперёд, скажу, что их потом совсем ненадолго сменил «Айдар». С чем были связаны такие шахматные перестановки – не ясно до сих пор. Скорее всего, выросшие, как грибы после дождя, многочисленные вооружённые формирования просто делили сферы влияния. Или решали, кто более достоин защищать довольно хлебный курортный уголок.

Но батальоны «коммандос» – это ничто по сравнению с нахлынувшим потоком беженцев. Это была одновременно и головная боль, и жалость, и страх. Посёлок был переполнен людьми. Мать, работавшая тогда в администрации, приходила домой эмоционально выжатой и уставшей, ведь вся работа по оформлению и распределению бежавших от войны людей ложилась на плечи местного самоуправления. Детский плач, очереди, бесчисленные папки с бумагами и июльская жара – вот, что наполняло тогда казенные учреждения. Тем летом впервые в обиход пришло слово «гуманитарка», которую привозили как фонды в виде пищевых наборов, так и равнодушные граждане, которые помогали бытовой техникой и одеждой.

Ситуация была такова, что пансионатов, не занятых «коммандос», не хватало для расселения всех нуждающихся. Поэтому многие местные бесплатно позволяли пожить в своих комнатах, которые обычно сдают летом отдыхающим. Но были и те, кто намеренно завышал цены на свои номера в критические моменты перенаселения. «Ну и люди!» – говорил тогда отец. «Они же сюда не на отдых приехали, а наши уроды дерут с них втридорога. Просто нет слов!»

Слов действительно не хватало, причём в отношении некоторых беженцев тоже. Тогда повсеместно была распространена практика вешать на стекло своей машины табличку «дети», чтобы на блокпостах был шанс быстрее покинуть опасные районы. Да и жару в степи дети переносят плохо. Так вот, я много раз видел, как груженные всевозможным скарбом легкие грузовики, в которых в принципе не предусмотрено более двух кресел, нагло объезжали

колонну автомобилей, пользуясь этой табличкой. Более того, такой бессовестный контингент потом жаловался на комнаты, которые им были предоставлены бесплатно. «Ну и люди!» – больше и добавить нечего.

Однажды, одним августовским вечером, вернувшись с моря, я сидел в своём дворе и разговаривал с родителями. Отец говорил, что его знакомый в районном центре сегодня утром слышал, как где-то далеко рвутся снаряды, а значит, война ближе, чем мы думаем. Я тут же опроверг это, ведь буквально днём я читал в интернете, что южнее Донецка всё спокойно.

Ночью я проснулся от сильного грохота, и, едва сообразив в чём дело, понял, что не следует доверять СМИ. Война была уже здесь. Почему-то мы все вышли на улицу. Край неба светился – это было соседнее село, до которого не больше 3 километров.

– Иди в дом. – сказала мне мать. Конечно, это бы ничего не изменило в случае попадания по нам снарядов. Оба мы это прекрасно понимали. Поэтому я остался смотреть, как полыхает и гремит огонь войны, дополняемый автоматным треском и очередями трассеров в небе.

На следующее утро мама была там в составе комиссии от администрации. То, что произошло в ту ночь – до сих пор овеяно слухами и забыто на фоне общей войны. Погибло три пограничника, которые несли службу на локаторе – небольшой конструкции для мониторинга водного пространства. Кто, зачем и откуда их обстрелял – до сих пор неизвестно. Кто-то утверждал, что это были военные катера, а кто-то находил следы бронетехники, следовавшей из посёлка.

Так или иначе, но это был первый тревожный звонок о том, что скоро нас настигнет участь сражающихся городов. Мать, кстати, говорила, что когда они приехали на место происшествия, местные уже успели вытащить из обстрелянного пункта некоторые металлические конструкции для того чтобы сдать на металлолом. Ну и люди!

За неделю до первого сентября я пришёл в школу, чтобы помочь с подготовкой класса к празднику. Вешая свежие шторы, я краем уха услышал разговор моей классной руководительницы с кем-то из учителей:

– Слышала распоряжение? Первый урок мы должны проводить классным часом на тему «Единая Украина». Ну и что я могу им рассказать о единой Украине, если дети сами всё видят?

Учителям не пришлось проводить такой классный час. Да и в школу мы пошли уже в октябре. А всё потому, что в один из последних дней беспокойного лета приблизительно в пять часов утра задрожали стены. На этот раз бой был уже где-то совсем рядом. «Тревожная сумка», в которой были собраны все необходимые вещи и документы, казалось, вот-вот пригодится. Но к счастью, спустя некоторое время наступило затишье. Сумка не пригодилась, хотя ещё почти год ждала своего применения. То время, когда никто не знал, что будет через пару часов, наверное, самое ужасное. Информация об обстрелах и смене власти ширилась слухами, и в этом вакууме висел тогда каждый, посматривая на тревожную сумку.

Война войной, а быт никуда не денешь. Уже днём под звуки отдаленных обстрелов я собирал виноград. В том году

он почему-то особенно уродился, так что работы было много. Очень запомнился этот момент: стою на стремянке, срезаю очередную кисть «Изабеллы», а за забором проезжает на велосипеде какая-то пожилая женщина. Через секунду раздаётся гром прилета снаряда, да так резко и громко, что я пошатнулся и едва не упал. Но прилет – мелочи. Больше меня поразила пожилая велосипедистка. Она остановилась, буквально бросила свой старенький «Минск» на асфальт, и начала громко вещать на всю улицу всё, что она думает о тех «с...ах и б...ях», которые «х...ят из своих ё...ых пушек по нормальным людям». Подробно описав, куда им всем следует пойти, она погрозила кулаком в сторону, где уже что-то серьёзно горело, а затем подняла велосипед и продолжила свой путь. Не знаю почему, но после пламенной речи негодующей пенсионерки у меня поднялось настроение. А обстреливали тогда нашу больницу.

Двухцветные флаги исчезли. Как и исчезли воины света вместе с воинами добра, не оказав, по всей видимости, серьёзного сопротивления. Ироничным символом отступления «Айдара» тогда стала брошенная БМП с подбитой гусеницей, на которой была надпись «на Москву». Не доехала.

Я не могу сказать, что с приходом новой власти жизнь резко изменилась в какую-либо сторону. Нет. Мы по-прежнему «сидели на чемоданах», по-прежнему слушали канонады, по-прежнему не понимали толком, что вокруг происходит. Лишь спустя время, когда всё «устаканилось» и пришло понимание, что Республика здесь всерьёз и надолго, люди продолжили жить примерно так, как жили и раньше – работа, семья, дом. Некоторые из знакомых ушли в ополчение, а

некоторые, покинув посёлок, записались в украинскую нацгвардию. Я же пошел, наконец, в 9 класс, где первым уроком был классный час на тему «Донбасс – малая Родина». Учителя в те годы старались не касаться политической ситуации на уроках, всё время повторяя, «что школа вне политики». Например, на уроке географии при изучении Европы спор о принадлежности Крыма был прерван фразой учительницы:

« Давайте будем сейчас считать, что Крым – некий, или какой-нибудь греческий ».

Постепенно стало больше внимания уделяться начальной военной подготовке и всевозможным военно-патриотическим соревнованиям. Мне нравилось в них участвовать. Нравилось маршировать, выполнять нормативы, отстаивать честь школы на республиканских сборах, стоять в почетном карауле на торжествах. Нравилось не потому, что я ревностно поддерживал ДНР или рвался на фронт, а потому, что был подростком, который обожал военную тематику и историю. У нашей школы всегда было плоховато с материально-техническим оснащением, и для подготовки к военным соревнованиям у нас не было макетов стрелкового оружия, которое следовало разбирать и собирать на скорость. Знаете, как мы решили эту проблему? Учились на настоящих боевых автоматах. Школа договорилась с представителями военной комендатуры о том, что несколько ребят будут после занятий приходить в распоряжение части и заниматься под их присмотром. И это

дало свои плоды – на соревнованиях мы блестяще маршировали, быстрее всех разбирали и собирали АК, ловко справлялись с костюмами химзащиты. За такие успехи нас даже вывезли на полигон и дали возможность пострелять по мишеням.

За то время, пока мы тренировались, я, как командир своего школьного взвода, очень сблизился с военнослужащим, который курировал нашу деятельность. Это оказался приятный человек с уставшим взглядом. Он рассказывал о своей довоенной жизни, об аэропорте и о Славянске. Говорил и о том, что не хотел бы встретить меня или моих друзей на передовой, и что нам лучше носить униформу школы, чем потрепанный осколками камуфляж. Кстати, полигон – его личная инициатива.

Странно, но именно в такое тяжёлое время Министерство образования ДНР начало выделять деньги на разные проекты, в том числе кое-что перепало и нашей школе. До конца своей учёбы в школе я смог бесплатно съездить в лагеря в Крыму и в Подмосковье, участвовать и занимать призовые места на международных конкурсах в Москве. А в это же время люди получали «гуманитарку» то от Красного креста, то от Рината Ахметова, то от МЧС России. Причём некоторые приезжали за пакетами с едой на дорогих автомобилях. Не знаю, как они попали в списки «особо нуждающихся», но продуктовые наборы бодро грузились в багажники элитных иномарок на глазах у всех без всякого зазрения совести. Ну и люди!

Годы идут неумолимо быстро. И с высоты прожитых лет я думаю, что ещё, наверное, не раз поменяются паспорта, флаги, регистрационные номера на

машинах, границы на картах, поменяются взгляды на прошлое и настоящее, поменяется мир. Не исчезнет только никуда чувство, что нас – людей, чья юность и молодость пришлась на военное время, никогда не поймут.

Не поймут будущие поколения, не

поймут наши сверстники в Киеве или Москве. Они не поймут нашего уставшего взгляда. Они не поймут, почему мы странно реагируем на раскаты майского грома. Они не поймут, почему у многих из нас нет и никогда уже не будет Родины. Да мы и сами мало что понимаем.

Моя проверка на прочность

Когда начался военный конфликт, я училась в школе. Ни я, ни мои близкие никогда не сталкивались ни с какой языковой дискриминацией, ни с притеснениями со стороны «украинизации». Я одинаково хорошо говорю, пишу, что на русском, что на украинском языке. В школе у нас было обучение полностью на украинском языке. Иногда нам не хватало учебников на украинском, по некоторым предметам мы использовали учебники на русском языке. Я бы сказала, что в это период у нас почти все говорили на русском, людей, которые говорили на украинском языке, было на улицах мало. Некоторые люди говорили на так называемом «суржике» – употребляли как украинские, так и русские слова.

В предвоенный период я каждое лето ездила с семьей на отдых в Бердянск, Одессу, Крым или за границу – везде нас отлично принимали. Теперь я понимаю, как замечательно мы жили в предвоенный период: у людей была хорошая работа, жилье, рядом были близкие, родные люди. Все складывалось прекрасно, у меня были радужные перспективы: закончу школу, буду учиться в донецком университете, работать и жить в Донецке. Все отлично. И вдруг военный конфликт, который разрушил мою жизнь, перечеркнул мои жизненные планы и моей семьи.

Сначала произошли события в Крыму. В голове не укладывалось, как могут начаться военные действия со стороны соседней страны. Мне кажется, что планы захвата Крыма и Донбасса давно были разработаны и дожидались удобного времени. Выбранный курс на европейский вектор развития, по моему мнению, был только предлогом захватить территорию соседней страны. Не было бы этого, нашелся бы другой предлог. Такой

агрессии со стороны соседней страны не ожидал никто. В Украине оказалась полностью не готова ни власть, ни армия к защите своей территории.

Я помню, когда начались обстрелы. Залпы орудий было слышно то днем, то ночью. Подобное вызывало дрожь по коже... Взрывы были то близкие, то далекие. Честно говоря, я тогда не сразу поняла, что это было такое, наивно полагая, что это просто какой-то шум, ну всякое бывает... В чатах класса часто обсуждали эту тему, но ребята делились на два лагеря: кто-то паниковал и ужасался от взрывов, а кто-то высмеивал это всё и говорил, что «это просто звуки с заводов, такое и раньше было, а вы уже испугались». Каждый вечер я и родители заходили в группы Вконтакте по типу «Типичный Донецк», там тогда часов в восемь вечера делалась «вечерняя переключка», где писали про взрывы и в каких частях города их слышно, до сих пор помню те беспокойные обсуждения и тот страх, когда читала про районы, находящиеся рядом с моим...

С родителями сразу заклеили все окна лентами, стали запасаться продуктами первой необходимости, в нашем доме открыли убежища. В школе отменяли занятия и учили, что делать, если начнется обстрел: куда бежать, как спастись. Все в основном сидели по домам: родители не выпускали на улицу из-за опасности, я просилась посидеть хотя бы у подъезда. Помню, как моя лучшая подружка однажды сказала, что они с родителями поедут на недельку или две в Киев, что переждут и вернуться. Я ее так ждала, она мне писала, что может даже уговорит пораньше их приехать... Но этого не произошло – они бросили квартиру и так и не вернулись... В принципе, так

сделали многие, и наша семья не исключение.

В июле 2014-го года мне мама сказала, что поедем ненадолго, ну просто погостить у ее двоюродной сестры в Константиновку (Донецкая область). Тогда я и не задумалась, что последний раз вижу наш Донецкий ЖД вокзал, его синее зеркальное покрытие, да и вообще последний раз выхожу из своей комнаты и квартиры. Когда приехали, то родители постоянно следили за новостями, созванивались с друзьями и узнавали обстановку. Общались также со знакомыми из других областей, а тем издали казалось, что все события преувеличены и нам просто хочется внимания. Люди, которые живут в Украине в подконтрольных регионах нас до конца не поймут, они не ощущают весь ужас, когда идут обстрелы, когда есть реальная опасность для жизни, что это не просто кадры из фильма.

Спустя некоторое время родители решили съездить домой. Уже приостанавливалось движение поездов в донецком направлении, дорога на Донецк была закрыта, и родители поехали автобусом. Вскоре они вернулись, привезли некоторые вещи. Мы жили на накопленные деньги, планировали переехать на съемную квартиру либо в Днепропетровскую, либо в Харьковскую область – был страх, что военные действия перейдут на всю Донецкую область, а Константиновка – это всего лишь 80 км от Донецка... Однако, как только арендодатели видели нашу прописку, то сразу отказывали – это было обиднее всего, такое непонимание людей, как будто нас боялись, считали чужими и опасными. С поиском работы было подобное. Сейчас уже этой проблемы в принципе нет, уже в

основном спокойно можно и жилье найти, и работу с любой пропиской – уже больше понимания у людей, сочувствия, но все же далеко не у всех. В итоге родители нашли квартиру только в Константиновке (долго находиться у родственников мы не могли), меня устроили в новую школу. Родители опять же говорили мне, что это так на месяц, ведь в Донецке перенесли начало учебного года на октябрь, а я вот как раз поучусь пока здесь, а к октябрю все станет хорошо и продолжу учиться по-старому. Но при этом они хотели забрать своих родителей с Донецка, но те наотрез отказались и говорили, что пережили и Вторую Мировую войну, и тяжелый послевоенный период, что смерти не боятся.

Конечно же в октябре мы домой не вернулись. Я продолжила обучение в новой школе, «донецкий» запас знаний позволил быть по-прежнему одной из первых учениц. Было трудно вливаться в новый коллектив, отвечать на частые вопросы одноклассников, затрагивающие болезненную тему. В наш класс перешел еще один мальчик-переселенец из Горловки, с которым первым я и стала общаться – было легче наладить контакт с человеком с похожей судьбой, который понимает тебя и твои переживания больше, чем другие. Со временем я полностью влилась в новый класс, нашла друзей. Кроме того, для всех детей-переселенцев нашей школы были определены дни, когда к нам приходил школьный психолог и проводил с нами занятия, так что окружала меня доброжелательная обстановка.

Однако не всё так радужно, и очень часто вынужденные переселенцы до сих пор ощущают себя в некоторых случаях гражданами второго сорта, особенно в

очередях в различных управлениях социальной защиты. Было много проблем с получением украинского паспорта (как ставить мне в паспорт донецкую прописку).

Конечно же я очень скучала за своими бабушками и дедушками и друзьями, что остались в Донецке. С 2014-го года я была в Донецке только три раза. Но этого было достаточно, чтобы увидеть все ужасы пересечения блокпостов: многочасовое ожидание в очереди, давки в автобусах, унижительные, пугающие допросы на блокпостах (куда я еду, что везу, просмотр моих личных вещей), страх, что тебя не впустят, страх, что тебя не выпустят... Очень больно осознавать, что ранее я могла спокойно за час-полтора добраться от той же Константиновки в Донецк, а в 2016-м году это занимало и пять часов, а то и семь - тут уж как повезет и в какой день поехать на блокпост.

Когда я приехала в первый раз в Донецк – я не узнала город. Всюду висят флаги ДНР, военное положение, комендантский час, заброшенные дома, магазины, большое количество военных, дороговизна в магазинах, обстрелы по-прежнему происходили. Многие друзья уехали. Но это был родной дом, за которым я скучала, который снился по ночам... Тут даже воздух был родным, не передать того счастья, когда я по приезду прошла от дома свой путь в школу, прогулялась по парку, где я часто с друзьями каталась на роликах, посетила другие памятные для себя места. Но в то же время было очень больно наблюдать за упадком города... Особенно заметно для меня это стало в 2018-м году, когда я уже стала жить и учиться в Харькове и могла сравнивать свой родной город с ним. Так грустно ехать в маршрутке и смотреть на пустые витрины

магазинов, где осталось только название, перекрытые досками двери... И в то же время вспоминать процветающий Харьков, куда наоборот приходят зарубежные компании, открываются новые магазины, сети, появляется все больше возможностей для развития, обустраиваются с огромной скоростью парки, строятся современные дома и многое другое. Горько осознавать, что всё это, а может и лучше, могло быть и у нас, в нашем Донецке...

Но теперь это уже совсем другая реальность. Очень грустно мне от этих мыслей и несправедливости, хоть и прошло почти семь лет, но порой перед сном об этом думаю, мечтаю и представляю альтернативную и солнечную реальность. Так надеюсь, что это останется не только в моих мечтах...

С наступлением пандемии коронавируса стало во много раз хуже. Уже год фактически закрыта граница Украина–ДНР. Можно добраться в Донецк только через Россию, однако для этого у меня в настоящее время нет финансовых возможностей. А как же хочется увидеть лично своих родных, друзей.

Мне хотелось бы, чтобы многим харьковчанам когда-то устроили экскурсию, повезли их по выжженной земле, через блокпосты, разрушенные дома, чтобы они увидели таблички «Опасно. Мины» и т. д. Тогда они, может быть, нагляднее поняли, что могут потерять, научились ценить мирное небо и возможность жить и работать.

Рассказ мой, может быть, получился печальный, но я думаю, что надо надеяться, верить в лучшие перспективы.

У каждого поколения свои испытания, своя проверка на прочность.

Школьные дни

Зима 2017-го года. В Макеевке шёл третий год с момента начала войны на Донбассе. С нестабильной очередностью активные и пассивные фазы военных действий сменяли друг друга. Когда начнутся обстрелы предугадать невозможно. Никакие соглашения и перемирия не дают гарантии того, что внезапный массированный обстрел не изрешетит какой-нибудь жилой массив. Или же что лихой снаряд-одиночка не прилетит в чей-нибудь дом. Просыпается человек и не знает, доживет ли этот день. Ложится спать в неведении – проснётся ли. Но жить как-то надо продолжать. Как-то продолжали.

Школы, как и другие учреждения, в «спокойное» время функционируют в штатном режиме. На всякий случай в каждой школе существует два плана эвакуации – при пожаре и при обстреле. Когда случается пожар, ясно, что делать: организованно выводить учащихся из здания школы на улицу. Когда же возникает угроза обстрела, детям нужно обеспечить укрытие. Обычно всех спускают в бомбоубежище (если таковое имеется), подвальное помещение или на цокольный этаж. Однако даже при регулярных учениях и точному следованию плану его реализация на практике может оказаться неэффективной. Обстрел, как уже говорилось, может начаться внезапно. Никогда заранее не предугадать его интенсивность и продолжительность. Потому получается, что действовать не опережение обстрела и успеть завести детей в укрытие вряд ли получится. Если же обстрел начался в момент, когда все находятся в здании школы, то безопаснее искать ближайшее для каждого укрытие: лечь на пол, занять позицию у несущих

стен, избежать нахождения перед окнами и т.д. Допускать передвижение учащихся по зданию в то время, как рядом падают снаряды и угрожают угодить в школу, значит подвергать их жизни большей опасности.

Во избежание подобных ситуаций при особом обострении на линии фронта и возникновении реальных угроз жизни мирного населения школы перевели на дистанционное обучение. Что-то типа того, что в 2020-м почувствовали на себе все учащиеся мира. До этого обычно дистанционное обучение вводили редко. Например, по причине карантина, чтобы пресечь распространение среди школьников какой-либо болезни, которой заболел один из учащихся. У нас причины для дистанционного обучения были другие – чтобы дети не погибли от осколков после разрыва снарядов или не были заживо погребены под завалами учебного заведения.

В конце января 2017-го года обстрелы жилых массивов Макеевки участились. Под конец новогодних праздников людей ждали отнюдь не разноцветные фейерверки в небе, а разрывы прилетающих мин. Очевидно, что в сложившихся условиях пребывание детей в школах, находящихся в опасных районах, а также передвижение на пути к ним являлись небезопасными. Во вторник 31 января в моей школе не было ни одного ученика. Решением администрации нас перевели на дистанционное обучение.

Странные переживания, когда сидишь дома потому, что школу отменили из-за обстрелов. Понимаешь, что нас оградили от посещения школы в целях нашей же безопасности. Действительно, эффективно эвакуировать полное здание детей во время обстрела было бы

затруднительно. И ведь не ясно куда ещё снаряд угодит. Возникшая в таком случае ситуация была бы критична. В один миг школа могла бы оказаться бетонной могилой для сотен учеников.

Поэтому выходит, что дома находиться безопаснее. Я жил в своём доме в некогда шахтёрском посёлке. Погреб всегда недалеко, в соседней комнате. Заслышав знакомый до боли свист или вздрогнув от разрывов неподалёку можно сразу быстро бежать в него, попутно прихватив с собой папку с предусмотрительно собранными документами.

Но ощущения безопасности не было совсем. Казалось бы, находишься у себя дома, в самом родном месте, с семьей, в кругу самых близких людей. Любые опасности не должны тебя волновать, ведь ты с теми, кого любишь, и кто любит тебя. Однако в то же время возникает чувство какой-то отрешенности от мира... Хотя ты и не один, но вы одни. Страх смерти, постоянно витающий в воздухе, ярче ощущается, полнее пропитывает сознание. Будто всё замыкается на этом доме и людях, внутри него. А что вне его – то неведомо, покрыто густым серым туманом. Ты не знаешь, что происходит вокруг. Ты видишь не дальше своих стен. Чувство одиночества дополняется тревогой, а тревога усиливается глухими звуками прилета снарядов, которые приближаются и становятся всё звонче. Ты не в безопасности, ты в заточении.

Утро среды 1 февраля. Около 9 утра. Прилет. Сотрясение пола, потолка, стен и мебели. Оглушающий раскат грома.

Эволюционно у человека заложена реакция страха на звуки чрезвычайной громкости. Так, слышав гром, еще

первобытный человек, под велением действующего инстинкта самосохранения, искал убежище. Гроза и молнии, как природное явление, всегда представляли опасность. Но с громом войны им не сравниться. Гром войны кратно сильнее и в ужас повергает, и разит всё живое. До тех, кто сам не пережил этого, донести с точностью не получится. Как бы ни был искусен писатель, читатель, не бывавший на войне, не поймет его. Можно лишь отдаленно представлять себе, какого это слышать такой мощи разрыв. Как некогда пытался представлять себе и я. Но не слышав гром войны непосредственно, понять испытываемые чувства не получится.

Артиллерийская мина разорвалась в ста метрах от моего дома. К счастью, она упала на нежилую территорию и в радиусе поражения людей не оказалось. Снаряд был не одиночным. Другие мины прилетели на расстояние в километр от меня. Как раз в районе моей школы. Несколько снарядов упало на территорию школы со стороны внутреннего двора. Осколками был изрешечен весь внутренний фасад здания, выбиты все окна. Некоторые осколки от разорвавшихся снарядов попали в учебные классы. Урону подверглись в основном коридоры на всех трёх этажах школы, так как классы располагались с противоположной стороны от внутреннего двора.

Страшно себе представить, что могло случиться, будь дети в школе. По счастливейшей случайности занятия отменили за день до того, как школа была подвержена обстрелу. Сколько жизней в итоге спасено! В школе на тот момент находился только немногочисленный педагогический состав и обслуживающий

персонал. Услышав разрыв снарядов неподалёку, работники экстренно эвакуировались в самое безопасное и доступное на тот момент место в здании – в школьный гардероб, находившийся ниже уровня земли.

Ближе к вечеру того же дня у меня раздался телефонный звонок от моего классного руководителя. Собственно, тогда я и узнал о случившемся, что школа повреждена и довольно сильно. Классный руководитель обзванивал мальчиков нашего класса с целью призвать нас помочь с ликвидацией последствий обстрела. Просил взять с собой молоток и по возможности другие инструменты. Без лишних раздумий я быстро собрался и отправился в школу. Вечером. Отнюдь не учиться.

По прибытию на место я узнал, что учителя обзванивали всех старшекласников и просили от них помощи. Просили и родителей школьников. А помощь действительно была нужна. Помимо битых стёкол в коридорах, пробитых стен и дверей кабинетов, школа получила и другие важные повреждения. Снарядом из строя была выведена котельная, обеспечивающая отопление. В феврале с выбитыми окнами и отсутствующим отоплением работать в школе было невозможно. Температура в стенах здания практически соответствовала уличной.

Необходимо было предпринимать меры. Перед нами стояла цель временно залатать разбитые окна. Администрация за счет бюджетных средств школы оперативно приобрела необходимые объемы клеенки и гвоздей и предоставила это в наши руки для починки. Этот опыт я не забуду никогда. Озадаченные общей миссией восстановления родной школы

ученики, родители, учителя образовали живой конвейер: одни отмеряли и отрезали необходимые куски клеенки, другие, к числу которых относился я, брали пленку и прибавали ее к рамам окон. Работа кипела на всех этажах. Цель была ясна – как можно скорее, как можно лучше. Мыслям об усталости или холоде места не было. Нужно делать дело, не требующее отлагательств.

*Тогда я, потянувшись,
впервые непосредственно
познал истинное
всесоюзное понятие
гражданского долга.*

Солидаризированные общей бедой мы энергично ее ликвидировали. Безусловно, это не то самопожертвование, которое встречается подчас лишь на фронте. Но именно тогда, 1 февраля 2017-го года, я почувствовал, что такое не искусственный, а настоящий коллективизм. Нам часто говорили, что он свойственен нашему народу, хотя по факту в обыденной жизни его не встретишь. Люди поделены на мелкие группки. На общее, то есть на то, что принадлежит обществу, всем плевать в прямом и переносном смысле. От того и разлагающееся окружающее пространство, и безразличие к проблемам случайных прохожих на улице, замкнутость на себе и на узком кругу своих близких. Но в такой экстремальной ситуации, как эта, возникает солидаризация. В такие моменты пробуждается словно врождённый, но глубоко зарытый в сознании каждого, коллективизм. Это внушает веру в людей, в доброе начало человека.

В итоге поставленная перед нами задача была успешно выполнена. Урон, нанесённый школе, был экстренно ликвидирован, в позволяющем

обстоятельствами объёме. Я уставший по темноте брёл домой. Но в школу вернулся я ещё не скоро.

Запах забытых дорог

Был 2014-й год. Я училась на втором курсе в Харькове. Наслаждалась весной. Как раз тогда ярко светило солнышко. И вернувшись в общежитие с пар, позвонила маме, чтобы узнать, как у неё дела. Вместо этого услышала не очень радостные новости:

– В Славянске расстреляли автобус.

– То есть? – уточнила я, не думая себе ничего серьезного, ведь живя без телевизора не успеваешь следить за новостями.

Мама очень волновалась, что эти расстрелы были недалеко от Донецка, что они будто бы были от россиян, и что прогнозы были совсем неутешительные касаясь дальнейших событий. А я и все мои родственники именно оттуда. И сказав маме: «Ничего страшного. Всякое бывает. Нечего волноваться», на самом деле думала «неужели я застану времена вроде военных? А с другой стороны... Во все времена были войны, почему наше время должно стать исключением? Рано или поздно это должно было случиться». И это было лишь начало...

Каждое лето я ездила домой, как и все студенты. В этот раз было интереснее. Тогда ещё ходили поезда – восемь часов, и я дома. Родители меня встретили с вокзала, мы шли, общаясь – ходьбы там не больше пятнадцати минут. Всё было как всегда. Через несколько дней моего отца на работе предупредили, когда и какие районы будут подлежать обстрелам, и что начальник вывозит подлежащих с семьями в Мариуполь, на базу, которую сам и оплатил. Мы понемногу начали собирать вещи, деньги, документы и всё, что может пригодиться. Заклеивали окна скотчем накрест, чтобы взрывами не

вынесло стекло. Главное – не показывать страх, поддерживать друг друга. Между делом мы общались с соседями, тоже рассказывали им про обстрел, чтобы они были более осторожной. Расспрашивали, где их погреб, чтобы знать, где копать в случае попадания в дом. Потому, что село состоит из частных секторов, и все прятались в подвалах.

Жизнь там была уже не такой как прежде – наполненной тишиной, спокойствием, обычным копошением в огороде, прогулками на природе и выходами в поле, чтобы наслаждаться солнечными закатами... Теперь каждый раз выходя из дому даже просто в магазин, начинаешь искать глазами укрытие, где можно спрятаться; постоянно прислушиваешься к свисту в воздухе: то ли снаряд, то ли где-то автоматы. Поднимаясь на второй этаж гаража строишь картину, как потом максимально быстро с него спуститься. Когда засыпаешь, то понимаешь, что ночь может оказаться последней, или тебя могут разбудить и нужно будет лезть в погреб. Хорошо, что соседи знают где он и спасут нас. Тебе становится жалко собак, что бегают во дворе, а ты не можешь их забрать к себе, спрятавшись с ними, потому что это займёт время, и кто-то может погибнуть. И пару раз нам пришлось использовать подвал. Это было страшно. Мы слышали, как свист снарядов приближался в сторону нашего посёлка. В те минуты чем бы мы не занимались – всё бросалось. Пусть у нас будет хоть пожар, хоть потоп, но мы будем живы. Те минуты в подвале казались вечностью. Мы прислушивались до последнего, что происходит вокруг. Когда будто бы всё затихало, отец первым шёл на разведку. Сначала открывал двери погреба, потом выходил в дом (а у нас

подвал был именно в доме), потом во двор. Моё сердце замирало в этот момент, потому что если мы чего-то недослышали, то это был бы конец.

Так вот, мы собирались в Мариуполь. Несколько дней до поездки. Отец узнаёт, что у него выпадает смена на эти даты. Он не едет с нами.

День выезда. Раннее утро. Обычно я очень любила такие моменты. Когда мы с родителями ездили на море, то вставали где-то в это же время. Собирали сумки в машину. И я наслаждалась в дороге приятной утренней серостью и первыми лучиками солнца, которое принадлежало только нам. Брат накрывался своей кофтой, засыпал и растягивал на меня ноги. В этом была своя атмосфера. Но это утро было наполнено другим: страхом, лёгкой суматохой, растерянностью. Мы ехали не зная, куда и когда вернёмся. Оставляли здесь животных, бабушку, других родственников. Мы сели в машину, которую прислали с работы отца. Он был с нами половину дороги, пока нас не пересадили в другую машину, а он поехал на той на работу.

В базе мы пробыли или неделю, или две – точно уже не помню... Отец каждый день рассказывал маме, что там происходит: как прятался в подвал и слышал, как обстреливали дома на соседних улицах, как ездил тяжелая артиллерия, как что-то взрывалось. Ему нужно было с кем-то делиться, и это понятно. Мама была его поддержкой. В свою очередь мы с братом пытались поддерживать ее – выслушивали и вытаскивали на прогулки. Но страшно представить, что тогда происходило внутри их. Возможно, они больше никогда не увидят друг друга, останется ли он живым, или калеккой, а возможно с нами по

дороге что-то произойдёт, возможно нам некуда будет возвращаться, а как тогда оплачивать мою учебу и брату дать образование? Конец аренды базы, мы возвращаемся с опаской домой.

Вот мы уже едем в машине по нашему району. И просто молча смотрим на побитые фасады домов. Всё время пребывания дома проходило в напряжении, прислушивании, настороженности. Ты понимаешь, что всегда должен быть включенным телефон, ты всегда должен безусловно отвечать на все звонки, чтобы понимали, что с тобой всё хорошо. И это не «хорошо», которое отвечаем на вопрос «как дела», а действительно хорошо, что «я живой». По телефону мы передавали самые свежие новости про будущие обстрелы. Откуда эти слухи брали начало – неизвестно. Но в некоторых случаях они действительно были правдивыми. Мы всегда старались максимально точно говорить, куда мы идём, чтобы избавиться от лишнего волнения, чтобы обезопасить себя. Прошло два месяца. Я возвращаюсь в Харьков.

2018-й год.

За эти четыре года в Донецке произошло много изменений: разрушенный аэропорт, железнодорожный вокзал, построены блокпосты, запустили автобусы в АТО и уже наладили эту систему, ввели пропуска (но не для всех), комендантский час, появился собственный оператор связи, прекратилась поставка продуктов украинского происхождения, прекратилось вещание украинского телевидения. Город стал более окруженным. Местные сами шли на фронт. У кого остались пенсии, оформленные на украинскую сторону – утратили их. Она-то

им начисляется за все эти годы и по сей день, но снять её очень тяжело. Например, моя бабушка, которая перемещается на маленькие расстояния только с тростью, вынуждена была ехать несколько раз в Мариуполь, чтобы госслужащие увидели, что она жива и взяли её подпись, что в дальнейшем деньги будет забирать её дочь. И приезжая туда, не всегда документы были готовы для подписи. А мой отец совсем утратил пенсию. Он не мог выехать на украинскую территорию, потому что был в запасе, и его могли вызвать на службу.

А воевать против людей со своего же города — совсем нелегко.

В общем, я наконец набралась смелости вновь съездить домой. У меня уже не было там ни друзей, ни одноклассников, ни знакомых. Все уехали, кто куда. Связи с ними были утрачены. Дорога была долгой, около 14–16-ти часов, через Волноваху. Начинали ехать на одном автобусе до главного блокпоста, там нас пересаживали на другой, и мы ехали на нём по оккупированной территории. Это довольно удобно, так как водитель сам забирал наши паспорта, отдавал их главному и быстро возвращал.

Когда мы ездили в 2016-м году, там ситуация была совсем другой. Нас останавливали на самом малом блокпосту, выгоняли мужчин на улицу, просматривали документы, могли случайным образом проверить сумки, багажники. Было ощущение, что мы животные. Это казалось из-за тембра голоса солдат, их поведения, взглядов. Лучше было не смотреть лишний раз в их

сторону, не говорить, минимум жестов и эмоций, если всё же хочешь увидеть близких. Мы доезжали до главного блокпоста, где должны были его проходить. До него ещё идти нужно было минут пятнадцать, но с сумками, под знойным солнцем и моральным угнетением, пониманием, что на краю дороги закопаны мины, что категорически нельзя с нее сходить. Все эти мысли были невыносимыми. Там ещё в живой тесной очереди стоять несколько часов из-за проверки документов. Никакого навеса от солнца не было. Пользоваться телефонами нельзя! После этого мы шли в автобус, который специально увозил оттуда людей. Забивались на максимум и ехали. И даже там по дороге останавливали для проверки.

В 2018-м году стало всё иначе. Хотя меня всё равно вызвал главный блокпоста, проверил телефон, расспрашивал, есть ли знакомые среди украинских служащих и зачем я еду домой. Это был единственный нюанс дороги.

Сам город тоже удивил. Он хорошо сам функционировал, был чистым, жизнь продолжалась. Но это лишь внешнее впечатление. Моральное состояние людей было удручающим. Они постоянно в состоянии стресса от обстрелов, которые до сих пор продолжаются, до сих пор гибнут люди, рушатся дома. Мать рассказывала, как пару лет назад, сидя на работе она видела тяжелую артиллерию, которая проезжала возле неё. У многих погибли родственники, родители, дети на фронте. У одной женщины почти случилась истерика, когда мы вспомнили про Украину, потому что у неё на фронте погиб сын.

Я видела изувеченные дома, рядом с которыми жили мои друзья. И вроде бы

есть работа, учеба. Но нормальная зарплата здесь считается 200\$, а цены постоянно поднимаются. Живя там, чувствуешь себя как в куполе: слышишь только новости этого города и российские, выехать нормально никуда не можешь, устроиться работать за границу тоже (кроме России).

Эта ситуация послужила причиной вражды между родственниками. Много кто держит зло на близких, кто уехал, а другие

наоборот – потому что те остались.

Некоторые просто утратили связь с родными. Особенно, когда народ заставили сменить операторов, снося украинские вышки. Но спасибо, что телефонную связь восстановили. Людей добровольно-принудительно склоняют к смене паспортов, если те желают получать пенсии или другие льготы. Хотя в новых паспортах все равно пишут, что выдан ДНР, Украина.

Железная птица

Война никогда не изменится. Меняются лишь представления о войне, о ее сущности, о ее силе и масштабах, о ее трагичности. Каждый из нас знает о ней, я думаю, даже находясь в утробе матери, мы все получили понимание этого слова и его первоначальное значение. Что представляет собой война? Кровь? Смерть? Разрушения? Страх? Возможно... Мне же она кажется иной.

Она для меня видится как внушительный и пылающий янтарным огнем кирпичный дом, пустым внутри, с исцарапанными окнами, выбитой дверью, покосившимся фундаментом, но ровной крышей, где внутри находится ребенок. Ребенок с чистыми, полными надежд, детских переживаний и радости, незапятнанными от всего того, что нас окружает глазами. Душа его не испытывала боли, тело не получало травм, но он несчастен, думая о том, что его все бросили, что он никому не нужен. Хоть пару мгновений назад он был рядом с матерью и отцом, рядом с домом играли самые близкие и дорогие ему друзья. Будто одна лишь вспышка мысли и звук росписи на бумаге лишила его всего этого. Он просит о помощи, просит его спасти, просит защитить его. Бежать, пытаюсь ему помочь, невозможно, мешает грязь, которая разъедает этот дом, разъедая фундамент. Резкие громкие взрывы смеха небес в голове оглушают, яркий свет огня ослепляет, но крик и мольбы ребенка слышно очень четко, чувствуется как он тебя тянет.

И все люди вокруг тебя будто этого не замечают, они лишь взмахивают флагами, выкрикивают лозунги и идут по своим делам, вслед за этим замертво падая в хаотичном порядке с глазами полными отчужденности и потерянности. Они

мертвы? Да, но на половину, только лишь внутренне.

Отталкивает? Да. Страшно? Может быть. Есть ли шансы? Ни малейшего.

За тысячи лет человечество пустословило и ужасалось войны как черной кошки, которая, лишь махнув своим хвостом, могла разрушить континент, погубив миллионы жизней. Это то самое человечество, лицемерно подписываясь под графой «не допустить войну», уже знает, когда начнется новая, начинает собирать всю желчь, всю злобу и ярость, все силы для разрушения и убийства не только страны-противника, не только солдат, а прежде всего тех, кто для них этот мир и построил, или будет строить: старики, дети, мужчины и женщины. Простые люди. И даже, когда спустившись в глубины адских врат, ранее выглаженные цари наций не оглянутся посмотреть им в глаза в последний раз. Для них - это истина, для всех это стало обыденным и безразличным. Для всех это стало одной из истин норм жизни – убийство людей. Вот, что действительно отталкивает, вот, что действительно страшно, вот, почему шансов больше нет.

Возвращаться в свои чертоги памяти я не люблю, они слишком размыты, или может мое сознание незаметно для меня это вытеснило из моего «жесткого диска», слишком тяжелы для меня воспоминания и картины, повидавшие мои глаза, даже спустя семь лет с начала новой для меня жизни четырнадцатилетнего подростка, недавно любившего гулять с друзьями, учиться в школе, познавать мир и наблюдать за ярким и теплым весенним солнцем. Все изменилось, и я боюсь, что навсегда. Только она никогда не изменится.

Начало событий того года – фильм, который продолжается и по сию секунду. Я не воспринимал ничего из того, что было тогда, всерьез. Это, наверное, мне и помогло не сойти с ума, когда весь мир, который только начал выстраиваться, который был мне интересен и который я любил начал пылать и разрушаться на большие бетонные глыбы. Может никто не понимал, как все происходит, может все тоже считали, что это лишь фильм с плохим сюжетом или дневной кошмар, вызванный солнечным ударом апрельско-майского солнца. Я ведь даже до конца не знал, что такое война, знал лишь только по книгам, фильмам и историям, да и сейчас я до конца и не уверен, что я знаю, а что предстоит узнать, или же что узнать я не смогу никогда.

*События той весны
разрушили и изменили
многое. мою подростковую
жизнь, мои мысли о
«мире во всем мире», веру
в человеческое и людское.*

Дать краткую характеристику этому невозможно, да и полную картину всего происходящего, скорее всего, никогда не удастся никому узнать, все слишком размыто и скомкано. Размылись границы, размылись правильные мысли, слова и поступки, размылось понимание что добро, а что зло, стерлась мораль и разрушилась вера во все святое и непоколебимое. Я ни в коем случае не называю себя пессимистом, или человеком с потерянной судьбой, утратившего все надежды на восстановление своей мечты и

своих целей. Нет, это совсем не так, они скорее преобразовались под влиянием многих факторов и многих событий, с одним из которых я и хочу вас познакомить.

Летом, в моем городе уже во всю был слышен хор орудий и шепот пролетающих над моим домом снарядов, доносились короткие автоматные очереди, напоминавшие глухие удары дятла по дереву. Наличие сна у простого человека в то время было показателем двух характерных черт: либо он был глуп, либо очень смел. Возможно, я прямо сейчас упускаю ту самую «усталость», ведь за пару недель, возможно месяц, ежеминутно обновляющаяся интернет-лента с происшествиями не только в моем городе, а во всей области, угнетали, пугали, мысленно обрекали на подобную участь. Кровь, смерть и слезы на тех местах, где раньше была только радость, был детский смех, где влюбленные встречались лицом к лицу, где подростки играли в футбол, где гуляла молодёжь. И каждый из них не мог подозревать, что буквально несколько месяцев спустя оттуда будут уносить раненых мужчин и женщин, убитых детей и искалеченных ранениями стариков. Площадь моего города, который за всю свою историю никогда не был претендентом на звание «Экологически чистый город», ранее до этого была засеяна новыми красными цветами, которые я даже не хотел запоминать из-за того, что они были прекрасны и без энциклопедических знаний о них. Блестела на солнце обновленная изгородь, недавно покрашенная черной краской в преддверии девятого мая, а убранные улицы от заводской пыли и общественной грязи, казалось, выглядят так празднично. Однако теперь площадь

была завалена шинами разных размеров, начиная от маленьких и заканчивая, как мне в то время казалось такими огромными шинами, что я не мог даже представить для какого транспорта они были предназначены; мешками с песком, совершенно не вписывающимися в общую планировку площади; постоянно игравшей и нагнетающей меня музыкой; людьми с самодельными транспарантами и флагами, постоянно произносящих горящие лозунги с призывами к действиям, к какому-то ответу от кого-то и к несогласию с чем-либо. Хотя, как мне кажется, никто из них и не знал, что делает и что будет делать завтра. Только правду вам больше об этом никто не расскажет.

Все эти моменты проносились передо мной с каждым днем все чаще и чаще. Эффект от них был все сильнее и сильнее. Пытаясь описать те эмоции, меня одолевает страх и ужас произошедшего, как будто вспоминая песню и вместо звуков любимой гитары слышны лишь попытки начинающего скрипача сыграть партии Чайковского. Или словно глядя на фотографию с другом, в отражении которой видны лишь ссоры и драка близких, которую нельзя остановить даже разбив рамку.

Отпустить ситуацию мне не позволяла совесть. Она меня пожирала изнутри и снаружи, я не мог спать, не мог даже минуту отдохнуть, без чуткого контроля ситуации внутри дома. Хоть я и понимаю сейчас, что даже в тот момент я ничего не мог контролировать, что все зависело от траектории летящего снаряда. Я очень переживал за свою семью, именно это я и хотел контролировать, хотел обезопасить их и спрятать где-угодно, только не оставлять под красной полосой падающей железной звезды.

Но все же после нескольких дней в таком ритме мои силы были на исходе, я был морально истощен. Мне пришлось уснуть, одновременно с этим получить обещание самому себе, что с моими родными ничего не случится. Эта ночь была одна из самых спокойных за последнее время, не было выстрелов и разрывов мин, не было звонков, вызванными предночными автоматными очередями, и ночное небо действительно напоминало само себя. Оно не было раскрашено трассирующими патронами и дымкой от снарядов, не наблюдалось зарева, которое было главным достижением и показателем того, что железная звезда упала в цель. Хотя мне не по себе думать о том, что главное, чтобы звезда просто упала и желание тех, кто ее запустил сбылось, унося за собой человеческие души напрямик по шлейфу из дыма, оставшегося от падающей железяки. Как же я тогда ошибался.

Именно этой ночью меня затронул мой ближайший страх – прямая угроза для моей семьи. Как я и говорил ранее, судьбу моей семьи и меня не решал никто, кроме снаряда, который, за секунду до своего появления в моей жизни и памяти, в сопровождении самого страшного, в ту секунду для меня свиста упал вблизи моего дома. Начался обстрел. Я не хочу представлять и думать о том, какой силы был взрыв и последовавшие за ними чудовищные разрывы. Домашние стеклопакеты чудом выстояли, старая кровать расшаталась, как будто пародируя действия моих родителей, которые укачивали меня маленького в своей кроватке. Именно в ту секунду я не хотел даже думать о целесообразности своих действий, хотелось только мигом забрать свою судьбу глубоко под землю, насколько

можно, однако по улице идти было смертельно опасно. Все самые важные вещи были собраны и стояли у входной двери, оставалось только ее открыть и бежать вниз в подвал дома, который в то время был единственным нашим укрытием и одновременно местом, где мы могли остаться навсегда, ведь подобные места не предназначены для защиты человека от силы разрыва снаряда. Для меня счет действовал на мгновения, но время мое остановилось. Оно остановилось на том моменте, когда я забежал в домашний зал, заполненный сумрачной и кромешной темнотой для того, чтобы не привлекать внимание беспилотников, где на стареньком диване, глядя в голубой экран, который был в ту секунду единственным источником света, ежедневно попивая то ли чай, то ли кофе сидел мой отец. На его лице не было страха, он сидел ни шевелившись, продолжая смотреть телевидение, с жуткими помехами из-за боевых действий. На мгновение я не хотел даже представлять о самом страшном, но такие мысли рубящим взмахом топора лезли ко мне в голову до того момента, пока я не рассмотрел его моргающие глаза, которые отражали происходящие картины на экране телевизора.

В этот момент время уже не могло опередить мои мысли. На любые просьбы и мольбы спуститься с нами отец отвечал отказом, даже не объясняя причины своего ответа. Для меня в тот момент, произошла, как я это могу назвать, «перекройка крыши своего дома». Вместе со своей мамой я находился в панике, хоть мне и удавалось ее в себе подавить, скорее всего, повторюсь, из-за отсутствия достаточной осознанности происходящего вокруг меня. Образ отца для меня изменился в ту же секунду, я не видел его

и никогда не буду видеть трусом, я не видел в нем, и в его глазах сомнений или обреченности. В ту, именно в ту секунду я видел солдата, я видел героя и видел настоящего мужчину, который ни при каких обстоятельствах не струсит и не убежит от того, что по праву принадлежит ему: его прожитая жизнь, его дом, его семья.

Как бы мне ни было тяжело, но я должен был спуститься в подвал с мамой, страх за отца меня ни на секунду не покидал, но я был почему-то в глубине души уверен, что с ним все будет хорошо. В эту же секунду я попытался сопроводить маму в подвал. Почему-то именно в этот момент ноги перестают тебя слушаться, становясь словно ватными. Силы очень быстро уходили, но необходимо было идти дальше вниз. Благо, мы знали куда необходимо идти и как пройти к людям через подвальный тоннель, ведь приходилось спускаться в подвал не один раз до этого момента.

Обстрел продолжался, звуки были слышны тише, но вибрации дома, подвальных стен и потолков не прекращались, а даже усиливались. В этот момент, находясь в этом подвале, я и моя мама, вместе с другими жильцами дома погрузились, можно так сказать, в протрацию и встречали неизвестность и рок судьбы с пустыми и уставшими глазами. Я уже не знал и не мог предположить, что будет дальше. Попытавшись уснуть, я хотел улететь из этого подвала и вернуться назад, к себе и своей жизни, спокойной и размеренной, сытой и счастливой, умиротворенной и сладостной. Наверное, только потеряв такое, начинаешь ценить и воспринимать все это по-другому и относиться к подобному пренебрежению со стороны

других в штыки, доказывая, что нет ничего лучше мирной жизни, хотя ранее сам этим пренебрегал.

Улёгшись на колени матери, я будто бы поменялся с ней ролями. Контролировала ситуацию теперь она, возможно этого и я хотел, возможно я не хотел брать на себя такую большую роль в таком малом возрасте, быть может я хотел бы еще побыть хоть пару месяцев четырнадцатилетним подростком, не знавшим ни горя, ни страха, не знавшим, что в любую секунду можно потерять все и никогда этого не вернуть, не ощущавшим себя заложником ситуации, не «перекраивать крышу своего дома» из-за такой ситуации, однако другого выхода для меня не оказалось, судьба, как мне казалось в тот момент, сложила на меня эти полномочия, и я должен был нести их до конца. И лежа на ее коленях, я будто бы и погрузился в свои четырнадцать лет до этих событий, ее нежные, лебяжьи руки окутали меня пеленой спокойствия, ее объятия служили для меня одновременно щитом и крыльями, на которых я был готов заново встать и вернуть «роль ответственного» себе, как ни в чем не бывало, ее взгляд хоть и был уставшим, измученным, запуганным, как и у всех нас в этом подвале, но я видел в них не слабость, а ответственность и любовь ко мне и отцу, любви к жизни своей и всего того, что ее окружает, любви к музыке и стихам, литературе и природе, хорошему кофе и, самое главное, к мечтам и надеждам своей семьи.

Так продлилось до рассвета. У одного из жильцов дома была связь с, как уже мы – новые поселенцы «Подвала» выражались, «внешним миром». До нас дошла информация, что через час-два можно выходить из подвала, ведь

обстрелы по городу и за его пределами стали постепенно прекращаться.

Около 6 утра я вместе с мамой покинули подвал и возвращались домой. Я осматривал наш дом, в надежде не обнаружить попаданий или даже повреждений его крепких кирпично-бетонных стен. Ужасные страхи и мысли вновь постучались с новой силой, когда, скорее всего из-за отсутствия полноценного сна, мне привиделись попадания по моему этажу и по моей комнате. Это состояние и секунда, прожитая в этом состоянии, были на грани существования меня и всего сущего. Всего лишь показалось...

И я был этому рад своему «помутнению».

Вернувшись домой, мы увидели, что все в норме и отец дожидался нас, не смыкая глаз и не показывая нам своей усталости. Дальше я уже и не помню, как мы боролись в себе горький эмоциональный осадок, полученной металлической звездой, но мы справились, все вместе...

В последующие года, после этой истории, я действительно настороженно отношусь к тишине, иногда пугаюсь резкого свиста, и иногда засыпаю уже в одежде. Но больше всего я боюсь одного, я боюсь того, что когда-нибудь, когда я буду значительно старше, мне приснится сон, где мне все те же четырнадцать лет, и я улыбаюсь, и улыбаюсь искренне, потому что все закончилось, ведь каждый год, месяц, неделя, секунда или миг постепенно убивает в нас все живое. Если это не завершить и забыть об этом, считать это нормой, то мы умрем?

Да, но на половину, только лишь внутренне. И это действительно страшно.

Взгляд юноши на войну

Меня зовут Влад, я хотел бы поделиться историей про события, которые произошли в Донецкой и Луганской областях. Я застал и захват Луганска и Славянска. Начну с того, мы с нашей семьей живем в городе Рубежное, Луганская область.

Я в 2013-м году поступил в Славянский колледж НАУ, и, видя, что начинается на майдане, уже начинал слышать, как студенты и работники в колледже начали говорить о своих родственниках из России, и что они не знают, что им делать и какую сторону принимать. Я не до конца понимал, что грядет то, что затянется не на один год.

В апреле 2014-го года я поехал на молодежную конференцию в Луганск, сам того не понимая, что луганское отделение СБУ уже было захвачено. Я приехал, пробыл выходные на конференции, и поехал домой в Рубежное, думая, что все хорошо, что вернусь на учебу. Но тут позвонил мой куратор с колледжа и сказал, что мне лучше не приезжать в Славянск. Потому, что там произошел захват горотдела полиции, и колледж временно приостановил обучение до улучшения ситуации в городе. Мой первый курс в колледже, можно сказать, выпал.

В Рубежном не было такого агрессивного захвата города, как в Славянске. Но все же было слышно, как по окраине города стреляли. Мои родители думали, что делать, куда уезжать в случае жестокой войны в нашем городе. Я как сейчас помню: весна, весь город обесточило, а точнее всю Луганскую область. С одной стороны, страшно, что будет, а с другой стороны так все красиво,

особенно ночью, когда звезды освещают весь город. И в тот момент ты задумываешься о том, чего не замечал раньше. Все остановилось, суета приостановилась, многие уехали из города, и только было слышны выстрелы танков, артиллерии, все замерло.

Летом, 22 июля, наш город Рубежное был освобожден. Через некоторое время наши родственники и друзья начали приезжать, они думали, что поедут на море, вернутся и все закончится, а все только затянулось. И все они начали приезжать к нам. Мы принимали их и искали им жилье. Как сейчас помню: около 15 человек приехали сразу, и наша съемная трехкомнатная квартира наполнилась гостями. К вечеру они все уже были размещены по съемным квартирам. А одна семья жила у нас до приезда наших родственников. Все думали, что это закончится, и что они вернуться обратно в свои дома. Но большая часть до сих пор живет в нашем городе Рубежное.

*Наверное, не страшно
оставлять свое имущество, а
страшнее начинать все с
начала.*

Закончилось лето, началась осень. Я возвращаюсь на учебу. Когда я уезжал, думал, что уеду просто на выходные, а вышло на полгода. Я оставил свои вещи в общежитии, и когда приехал, уже ничего не было. Кто взял, было непонятно, потому что побывали в общежитии многие. И, как я говорил ранее, тяжелее начинать с начала.

Наше общежитие перешло украинской армии, а наш колледж еще не успел подписать договоры с другими общежитиями, или я просто не знал, что делать мне. И я ездил с Рубежного каждый день в Славянск целый месяц пока не нашел жилье. Каждое утро встаешь в пять утра, чтобы успеть на автобус, и возвращаешься с учебы домой в 18:00, такой уставший, что ничего не хочется делать. Благо, что я с многодетной семьи, и поэтому мог ездить практически бесплатно с Рубежного в Славянск и обратно. Если бы не льготы, то я не знаю, как бы добирался. Прошло время, город начал

восстанавливаться, и люди тоже начали возвращаться.

Учеба вернулась и жизнь продолжилась. Да, не такая как была раньше, но достаточно многообразная и яркая. Если честно, то можно рассказывать и рассказывать, не хватит и книги. И я думаю, что каждый прожил эту историю по-своему. Я думаю, что несмотря ни на что нужно уметь ценить то, что мы имеем, радоваться и наслаждаться каждым днем, который у нас есть.

Спасибо за внимание.

Близь линии фронта

Я никогда не сомневалась в том, что мой дом здесь, в Донецке. И даже побывав в других областях, странах, посмотрев на то как живут другие, я для себя твердо решила еще в детстве, что ни за какие блага не променяю родной край. С малых лет также прививалась любовь к Украине: школьные уроки по истории Украины, украинскому языку и литературе были одними из самых любимых, если не считать физкультуру. На момент, когда это все обрушилось, мне было столько же, сколько сейчас моей сестре, 13 лет. Я была уже не ребенком, но еще и недостаточно взрослой, чтобы четко понимать и помнить, что же произошло. Однако 7 лет боевых действий не прошли мимо меня. Воспоминания остались отрывочные, зато очень яркие. С этого момента моя жизнь пошла по совершенно иному пути, и вот как все начиналось.

Это было прекрасное завершение года. Моему папе на работе дали путевку в детский лагерь в Святогорске на одну смену, которая начиналась в середине октября. Он без раздумий отправил меня туда. Я училась в седьмом классе и представить себе не могла, что можно не ходить в школу, а учиться удаленно параллельно с отдыхом на природе. Ни о чем серьезном я тогда и не думала, не различала людей, все вокруг были друзьями вне зависимости от того, на каком языке они разговаривают. Стоит уточнить, что лагерь был продвинутым, оздоровительным, почти на уровне Артека, только туда приезжали не дети всего мира, а дети со всей Украины. Именно там я подтянула свой украинский, говорила и понимала диалекты. Обрела много новых знакомств, которые поддерживала и после конца смены, когда все вернулись домой.

В один из вечеров ноября, когда отопительный сезон только начинался и в квартире в панельном доме было еще холодно, я прильнула к родителям, которые напряженно смотрели новости. Показывали митинги и демонстрации в центре Киева. Я тогда еще не понимала что происходит, что им не нравится. Но родители все понимали и пророчески звучала фраза мамы:

«Сейчас їм допоможуть, але це доїдемо і до нас».

Такой скептицизм меня очень напугал, но как окажется после, бояться нужно было не митингов. На выходных я как обычно созванивалась с друзьями из лагеря, и мы обсуждали самые разные события, начиная с того как проходят уроки в школе, кто какие оценки получил, заканчивая планированием встречи в следующем году летом в лагере. Но один мальчик очень тихо сказал, что еще не знает, сможет ли он приехать, ведь сейчас его мама уволилась с работы и поехала в Киев на Майдан. Никто этому не придавал тогда значение. Еще бы, нам было всего по 12—13 лет. И снова в голове пронеслась фраза мамы. Но в силу возраста все быстро улетучилось и после разговора по телефону я ушла спать. Больше мы почему-то не общались.

Наступил 2014-й год. Мои родители развелись, потому что за те 16 лет совместной жизни они так и не смогли найти компромисс, не смогли ужиться, а мы с сестрой не смогли их сдержать от этого шага. Но папа часто к нам приходил, потому что любит нас с сестрой. В один из таких дней они с мамой активно обсуждали, как повезло Крыму, как это повлияет на нас и как здорово было бы,

если бы Россия присоединила и нас. Я смутно помню весь разговор, но четко помню, что тогда не разделяла их взглядов. «Зачем? – подумала я, – Мы же и в Украине хорошо живем».

Это был трудный период в нашей жизни, потому что сестра еще совсем мала, а маме приходилось работать в две-три смены, чтобы мы ни в чем не нуждались. Но больше всего угнетало ее не это, а то, что Донецк провозгласил себя отдельной республикой, что в Славянске начались боевые действия. Мама очень мнительная, но интуиция никогда ее не подводила. Она боялась, что это дойдет и до нас, не выпускала гулять, просила бабушку забрать меня с сестрой из школы. В один вечер она позвала меня в комнату, чтобы поговорить, пока сестра увлеченно смотрела мультики. Я не интересовалась новостями, только мельком и по слухам знала, что происходит. Я помню, как серьезно и в тоже время испуганно, она на меня посмотрела и сказала, что сейчас стоит перед тяжелым выбором: сбежать с нами или остаться. Этот вопрос она ставила перед собой и мной на протяжении двух лет. Конечно же я воспротивилась, потому что мой дом здесь, в Макеевке, потому что здесь мои друзья, здесь папа и бабушки, как же их оставить? Мама понимала это не хуже меня, но наша безопасность стояла превыше всего.

Летом, когда боевые действия перешли в активную фазу, к нам в гости пришел папа и заявил, что хочет вступить в ополчение и защищать нас. Сестра совсем ничего не понимала, мама сидела в замешательстве, настолько сильно ее поразило его решение, а я подбежала к нему, обняла за шею и захлебываясь слезами прошептала: «Не нужно, папа, нам будет страшно здесь!». Может быть на него

повлияли мои слова, может он все сам хорошо обдумал, но ополчение записываться не стал.

В середине лета прилетать стало и в Макеевку. До этого мы только слышали, как где-то падают снаряды, рассказы очевидцев и как отличать «прилеты» от «отлетов». Сумки и документы были собраны, подвал в нашем доме уже оборудован, всё это происходило за считанные минуты, потому что боялись все. Семьи с детьми разъехались, во дворе не осталось моих сверстников, число одноклассников сократилось вдвое, никто не гулял, взрослые лишней раз не выходили в магазин.

В одну из ночей, когда мы уже легли спать, был слышен громкий свист, а за ним взрыв. Мама, накинув халат, растолкала меня, чтобы я взяла сестру, которая страшно боялась и плакала, а она схватила сумки, мы выбежали из квартиры. В этом самое главное преимущество проживания на первом этаже. На улицу выбежал весь дом. Вместо того, чтобы сразу спрятаться в подвал, любопытные бабули и мужчины смотрели в ночное небо и строили догадки, куда же прилетело? Небо, усыпанное звездами, в эту ночь было особенно мерцающим, ведь на шахту, расположенную в двадцати минутах ходьбы от моего дома прилетел фосфорный снаряд. Об этом мы узнали рано утром, когда один из соседей-добровольцев, пришел с разведки. После этого случая не раз ночью прилетали снаряды в соседние поселки, которые находились на окраине города. Нам оставалось только слушать сплетни, рассказы и бояться.

В августе, когда папа пришел в очередной раз нас навестить, он предложил поехать в поселок

«Безымянное». Там на базе детского лагеря устроили лагерь для беженцев. Такую возможность предоставляли сотрудникам той самой шахты, которая находится недалеко от дома, а также горноспасателем, кем мой папа и является. Беженцами мы, конечно, не были, но увезти нас сестрой из горячей точки нужно было, ведь Макеевку тогда постоянно обстреливали, на недостройках, терриконах, на поле старого интерната оборудовали военные госпитали и тренировочные базы.

Выехать было очень трудно. На каждом шагу стояли блокпосты, украинские и донецкие. На антенну машины папа привязал белую тряпку, на стекла приклеил надпись «Дети», чтобы избежать проблем. Остановили на блокпосту нас один раз – на подъезде к поселку. Спросили документы у родителей, грозный мужчина в военной форме, с автоматом, говорил на украинском с примесью диалектов, заглянул в салон и увидел нас с сестрой, как-то растаял и отошел, а когда возвращался, то нес с собой бутылку меда. Папа его отблагодарил и до лагеря беженцев мы доехали без происшествий.

Когда мы находились там около двух недель, приехал папин брат с семьей, но мне все также было мало с кем общаться, поэтому я скачала несколько книжек и читала их буквально взахлёб. К концу нашего пребывания там я встретила свою одноклассницу, которая только приехала сюда. Она рассказала, как страшно стало дома, как трудно было ехать, как на пути их часто останавливали и досматривали. Мы торопились в Макеевку. Каждый вечер отзвук падающих снарядов был все сильнее. В последний вечер было слышно

эхо от автоматной очереди. Нужно возвращаться, скоро жарко будет здесь.

За день до отъезда мой папа с братом выехали на разведку, чтобы узнать, где дороги перекрыты, как проще проехать. Вернувшись они с ухмылкой рассказали историю, которая для них была смешной. Проезжая по какому-то из путей выезда, они застали пробку, а из-за чего пробка – неясно. Закрыв машину, они пошли в начало, чтобы узнать причину и долго ли будут стоять. Важное уточнение: мой отец и его брат служили в армии, проходили боевую подготовку, поэтому знают, какие бывают мины. Как оказалось, пробка образовалась из-за того, что посреди дороги лежала мина. Только вот мина оказалась противотанковой. Папа, как человек разбирающийся в данном вопросе, вызвал милицию и саперов, а сам выкрутил фитиль у мины и положил рядом. Когда приехали саперы, то проверили территорию вокруг, а отца и брата проверили и отпустили.

Обратная дорога запомнилась куда лучше. Буквально на выезде из Новоазовска нас остановили, проверили документы, а рядом с дорогой было поле. Все поле было в окопах, и в одном из них стояла установка, откуда произошел выстрел. Мы все вчетвером в машине подпрыгнули на месте, сестра перепугалась, но уже не плакала как в начале лета. В свои семь лет она уже привыкла к звукам войны. Летом ей исполнится 14, она и не помнит этих событий, не помнит, как буквально за дверью машины мужчина в окопе выстрелил из миномета, но она все так же не боится звуков падения и разрыва снарядов, только скажет со скучающим видом: «Опять что ли?».

Наша дорога домой продолжалась. Не помню на каком этапе пути, но четко помню, как запахло жженым порохом. Никогда не нюхала жжёный порох, но лишь учуяв этот запах, я сразу поняла, что это он. Проехав чуть дальше, мы увидели спаленный до «скелета» танк. Проехав от этого места еще немного, мы увидели целую колонну машин скорой помощи и сидящих на обочине безоружных солдат с украинскими нашивками. Нас остановили и вежливо попросили развернуться и подождать пока пройдет операция. Потом из новостей мы узнаем, что они сдавались в плен. Вернувшись домой мы не слышали звуков боя, было удивительно тихо, даже немного непривычно. Спустя несколько дней после нашего возвращения, папа рассказал, что возле лагеря шли бои, снаряд попал на территорию.

После этого небольшого приключения страх куда-то исчез, вместо него появилась усталость от боевых действий. К сожалению, кроме того, что они забрали беззаботность и счастливое детство, они стерли и родственные связи. В социальных сетях мамина двоюродная сестра, назовем ее Ира, которую я очень любила, начала писать неприятные вещи, призывала к тому, чтобы нас, донецких, всех перебить, танками притоптать. Маму это очень расстроило, от переживаний она даже заболела. Но время все расставило на свои места. Примерно через год эта сестра приехала в Макеевку, в свой родной поселок, так как там жили ее родители. Невозможно описать как удивилась и возмущилась мама, когда Ира обратилась к ней за помощью и советом. Она конечно помогла ей, но эти слова простить не смогла, обиду заглушить не смогла.

Хронология событий

стерлась и перемешалась, день ото дня ничего не менялось. Но в один из дней позвонил папа и спросил, хочу ли я поехать в лагерь в Россию, сотрудникам МЧС давали льготные путевки для детей. Я без раздумий согласилась. В день отъезда шел дождь, противный такой, морозящий. Я села в автобус и пропала из реальности почти на сутки, ведь именно столько мы пробыли в пути. Добравшись до лагеря в пригороде Анапы и распределив прибывших по отрядам, нас отвели в столовую, чтобы с дороги накормить. Тогда нам давали пельмени и салат из капусты. Из-за гула детских голосов, происходящего на улице не было слышно. Нас развели по комнатам и мы легли спать. В первую же ночь я проснулась от гула самолета, как и мои соседки. Только если для меня это было просто непривычно, то они испугались и попрятались под кровать, потому что помнят, как их город обстреливали с самолетов. Они были из Горловки, как и подавляющая часть детей на той смене. Поддерживать связь с домом было проблематично, потому что мощности вай-фая на всех не хватало. Мы ведь были не одни. Только три отряда из двенадцати были отведены под детей Донбасса. Нашим вожатым было интересно, как мы здесь живем, как можно привыкнуть к постоянным обстрелам и окружающей нас опасности. Можно. Человек легко приспосабливается к условиям, если хочет выжить. А мы все очень хотели и хотим жить. Вожатые тактично иногда, как бы невзначай, спрашивали у нас что-то из жизни на Донбассе. Кто-то рассказывал как похоронил отца, кто-то рассказывал, как снаряд попал в их дом, школу, унес жизни друзей и родственников. Причем рассказывали серьезно, без слез, без шуток, на одной ноте и с каменным лицом,

поэтому что такими вещами не шутят. Мне в этом плане очень повезло. Мои друзья, которые к тому времени уже вернулись обратно, были целы и здоровы, наши дома не задели снаряды, наши сердца не поразила горечь утраты.

За те три недели смены я привыкла к гулу самолетов, и к безопасности. Было очень удивительно смотреть в небо и не видеть дымный след. Зато прямо в день приезда за моим окном проехала колонна танков. Тогда я почувствовала, что я дома.

С начала боевых действий прошло семь лет, но я для себя решила, что хочу остаться здесь. Я вместе с Донецком, Макеевкой перенесла столько всего,

пережила все самое страшное. Помню, я очень расстроилась, когда узнала, что бассейн, куда я ходила, разбомбили до основания, а сейчас слышу, что его скоро откроют снова. Весной воздух наполняется цветочным ароматом, город дышит, город живет. Все те, с кем я общалась, кто уехал отсюда, сейчас горько жалеют, потому что вернуться не могут. Да, периодически земля продолжает трястись под ногами. Да, иногда виден черный дымный след от летящего снаряда. Да, за моим окном до сих пор проезжают колонны танков, которые своими гусеницами царапают асфальт. А я все так же говорю маме, что не хочу уезжать, что мне нравится здесь, что мой дом здесь.

Донецк – наша боль и надежда

Когда меня пригласили рассказать историю последних 6 лет моей жизни, то я отнесся к этому скептически. Не думаю, что моя история какая-то необычная, ничего в ней нет ни героического, ни особо интересного. Подобные истории могут рассказать большинство молодых людей, которые уехали из-за военного конфликта из ДНР в Украину.

Как я уже сказал, моя история типична. Родился я в шахтерской семье, где были представители разных национальностей. Бабушки и дедушки после войны приехали в основном с центральной Украины на восстановление шахт Донбасса. Преобладала в семье украинская кухня, украинско-российские традиции, за стол пели как русские, так и украинские песни. После окончания школы я поступил в институт на техническую специальность, полагая, что для мужчины в Донбассе лучше иметь техническое образование. Сразу скажу, политикой я не увлекался, были больше обычные молодежные интересы: спорт, музыка, IT. Проучился я почти год, когда к нам пришла война. Из-за обстрелов практически последний год учились уже урывками. Что происходит до конца не понимал: кто кого освобождает? От чего освобождает? Кто просил кого-то освободить? В семье, конечно, разговаривали о сложившейся ситуации: сразу поняли, что будет плохо, молодым нужно уезжать доучиваться и искать работу. Некоторые родственники мои уехали в Россию, другие – в Украину.

Я проучился в ДНР до лета 2015-го года. Почему не уехал сразу? Думал, что все нормализуется, вернется спокойная жизнь. В конце 2014-го года в институте проходили собрания, на которых выступали представители от руководства и

преподаватели, которые, сразу же скажу, занимались обманом – нам говорили, что «институт вне политики», «институт по-прежнему находится в украинском образовательном пространстве», «переезжать некуда, и никто нас не ждет». Мне не было понятна позиция Министерства образования Украины, которое, я считаю, не обеспечило информирование студентов о ситуации: о переехавших в Украину ВУЗах и не провело организованной эвакуации студентов. Но может я погорячился с последним заявлением. Какая организованная эвакуация? Не было возможности вывезти ни компьютера, ни архива, ни учебников. Но многие студенты и преподаватели стали уезжать в Украину. Часть студентов перевелось в перемещенный ВУЗ, другая часть студентов сначала была на правах вольных слушателей в украинских университетах. Многим студентам с большим трудом удалось забрать свои документы с донецких ВУЗов: они говорили в деканатах, что едут на учебу в Россию и т.д.

Я закончил 2 курс в ДНР. Следует сказать, что этот курс в Харьковском институте мне не засчитали, в конечном итоге, мне пришлось по некоторым предметам сдавать экзамены и зачеты.

Переехать я решил в Харьков. Здесь жили дальние родственники, у которых можно было на первое время остановиться, пока не предоставили мне общежитие, и которые могли бы помочь в случае возникновения непредвиденных обстоятельств.

Я закончил институт в Харькове, качеством обучения я доволен. Социальную стипендию и общежитие, доплаты, как вынужденному переселенцу,

я получал в соответствии с законодательством Украины. Конечно, на эти деньги прожить было трудно, приходилось постоянно подрабатывать: работал и в колл-центре, и официантом, и курьером, и продавцом. Что ж, прошел определенную школу жизни. Но я ни разу не жалел о принятом решении. Я получил диплом, с которым можно устроиться на работу во всем мире. А с дипломом ДНР можно рассчитывать только, в лучшем случае, на работу в России, и то, если повезет.

Раньше ездил в ДНР каждый год – повидаться с родными. И каждый приезд убеждался, что экономическая и политическая ситуация в ДНР становится все хуже. Многие предприятия в ДНР закрылись, имущества этих предприятий потихоньку или вывозилось в Россию, или разворовывалось. Безработица в ДНР заставляла людей браться за любую работу. Снова стали мужчины уезжать в Украину и в Россию на заработки. Дома остались старики, женщины и дети. Многие знакомые, кто устраивался на работу в Россию, стремились получить по облегченной процедуре российское гражданство, чтобы оно помогло им в будущем при трудоустройстве.

Неожиданно наши пенсионеры, те, кто сумел оформить получение пенсии в ДНР, и в Украине, стали кормильцами семей. Мне было страшно и больно наблюдать, как старики с палками, нагруженные сумками с украинскими продуктами, стоят часами на блокпостах.

Пока я стоял в очереди на блокпостах, каких я только не выслушал жизненных историй, узнал про постоянные трудности. Было жалко смотреть, как на блокпостах ДНР забирали у них килограммы мяса или колбасы. А на

украинских блокпостах не пускали в Украину из-за ошибки в пропусках.

Поездки в ДНР для меня всегда были стрессом, но желание повидать родных и близких, помочь им хоть в чем-то брало вверх. Я привозил и продукты, и деньги. К сожалению, забрать родителей к себе не могу – да и они не бросят свой дом, имущество. А продать все можно только за бесценок, вывезти ничего не дадут. Сейчас почти полтора года не ездил в ДНР, и в ближайшее время поехать не получится.

Если конфликт закончится через несколько лет, я еще смогу вернуться в Донецк, однако городу предстоит огромнейшая работа по восстановлению экономики, транспорта, жилья. Но чем больше времени займет конфликт, тем меньше вероятность, что вынужденные переселенцы вернуться. Нельзя жить только надеждами на лучшее будущее и на возвращение, надо жить сейчас. Надо устраиваться на новом месте, начинать свою жизнь с чистого листа.

*Но в любом случае,
Донецк – это мой дом, моя
„малая Родина“, это моя
боль и надежда.*

Война на Донбассе

Семь лет назад произошло одно поистине страшное и чудовищное событие, которое разделило жизнь населения Донбасса на «до» и «после». Это явление затронуло меня, мою семью, моих друзей и всех тех людей, которых я когда-либо знал. Речь идет, разумеется, о войне на Юго-Востоке Украины, в частности протекающей в моём родном городе – Донецке. Это происшествие, пришедшее на наши улицы, затронуло не только дома и жизни горожан, но и поломало психику детям, которые узнали, что такое война. Они никогда не смогут забыть те воспоминания и чувства, когда приходилось ночевать в подвале, слыша над собственной головой звуки взрывов и разрывов снарядов; никогда не забудут внезапные, посреди белого дня грохоты, вызванные выстрелами из миномётов и, уж тем более, никогда из их памяти не исчезнут смерти близких.

*Военные действия на
Донбассе заставили детей
повзреть махом,
буквально в один миг
стать взрослее.*

Будучи в относительно спокойной обстановке, родители сообщают своему чаду о том, что в его волосах появляется старческо-белая седина, подобные детишки уже могут разговаривать не только на какие-то свои локальные типичные детские темы, но и на вполне взрослые, по типу: какой радиус поражения мины или любого другого военного снаряда, как стреляет то или иное артиллерийское оружие или же как различать по звуку, откуда ведут огонь, а

главное кто – наши или не наши, от нас или от них. Такие беседы могут вызвать шок у обывателя или приезжего с другого города или с другой страны человека.

Я – среднестатистический житель города Донецка, ныне столицы Донецкой Народной Республики, и на меня, как и на всех людей, окружающих меня эта война несомненно повлияла, поменяла мой характер и мировосприятие в целом. Насколько кардинально – сказать сложно. Как говорит мой отец: «Вопрос философский». Последние пару лет темпы развития конфликта сбавились, динамика стала понемногу угасать, однако, все те пережитые года, прожитые в условиях обстрелов, оставили неизгладимый отпечаток в памяти. Больше всего эмоций, и отнюдь далеко не положительных, у меня вызывают события на протяжении весны-лета 2014-го года, когда война будто «с двух ног в полете» не то, что пришла, а прилетела в мой дом, в мой двор и в моё сердце. Дело в том, что место моего проживания – окраина города, небольшой хуторок, позади которого одна большая сплошная посадка, а неподалеку от дома находилось одно из многочисленных пристанищ ополченцев. И эти два места, в вышеуказанные сроки, просто-напросто вспыхнули: взрывы и полёты снарядов стали для меня обыденностью и чем-то повседневным. У кого-то утро начинается с кофе или контрастного душа, а моё утро начиналось с грохота, который доносился будто со всех четырёх сторон света и летел прямо в мою комнату. Но «самое весёлое» приходилось на конец дня, к вечеру, когда ты уже ложишься спать после приятного освежающего принятия душа, и слышишь звуки разрывов или выстрелов из миномётов: «Наверное, это от нас» – это первая мысль, приходившая в голову.

Затем ты идёшь ложиться в постель, забывая на раздражающие звуки и уходишь в собственные типичные ночные размышления, отдавая предпочтение переживания о школе, об очередных трудоёмких и тяжёлых контрольных работах. Однако, весь поток мысли перебивается оглушающим взрывом, ударная волна которого заставляет сотрясать не только окна комнаты, но и собственное сердце. В подобные моменты, как сейчас помню, я первым делом накидывал первые же вещи, попавшие под руку и бежал к матери, дабы помочь ей перенести сумки в подвал. Моя мама – ультра ответственный человек, эту её черту мне даже сложно передать словами, она постоянно заранее собирала наши документы в папки, а затем складывала их в огромную сумку, куда вечно бросала ещё всевозможные таблетки и воду. Так вот, я помогал ей перенести сумки в подвальное помещение, где мы оставались на ночь или до тех пор, пока звуки не прекратятся.

Вот Вы знаете, работая над данным рассказом я схватил на себя мысли: «Что меня в те моменты больше всего пугало?». Безусловно, прежде всего, животный страх – погибнуть от осколка снаряда или быть заваленным в подвале всевозможным «мусором» и быть, буквально, погребённым заживо; а также страх за своих самых близких людей – моих родителей и семье, ибо даже сейчас, будучи в осознанном возрасте, мне сложно представить жизнь без них, не говоря уже об этом нежном возрасте, в котором находился я во время обстрелов. Но, больше всего, «масла в огонь» подвела моя бурная детская фантазия, в те отрезки времени, находившиеся в подвале, я почему-то вспоминал страшные рассказы моего ныне покойного деда про Великую

Отечественную Войну. А именно, про то, как нацисты путём обстрелов и бомбардировки разрушали целые города, сёла и, само собой, дома. Затем они ходили во выжженной и разрушенной земле и, слыша голоса людей, находившихся в укрытиях (будь то бункер или же обыкновенный подвал), растаскивали шлакоблоки, камни или иные материалы, оказавшиеся над временным укрытием людей. Казалось бы, помогли им выйти на свет, на землю, но нет. Они брали у них документы, для вида смотрели, к примеру, на паспорт, а потом, делая умный вид с ухмылкой на лице, как будто, кто-то из них знал русский, расстреливали бедняг. Я и по сей день не знаю - это настоящая история, так сказать, основанная на реальных событиях или дедушкин вымысел, дабы завлечь своего на тот момент не самого умного мелкого внука? Но Вы знаете, эта и подобные истории – вымысел, фантазия дедушки или же воспоминания из прошлого – этот вопрос меня беспокоил в самый последний момент, а страх того, что тебя расстреляют просто так – был. Проведя такую небольшую ретроспективу, я хочу привести к вышесказанному одну цитату моего любимого писателя, поистине гениального человека, создавшего собственный пантеон Богов, не уступающий ничем древнегреческим - Говард Филипс Лавкрафт, который писал следующее: «Страх – самое сильное чувство человека, а самый сильный страх – страх неизвестности». И чёрт возьми, как же он прав, что в те моменты, что сейчас, и я уверен, в будущем этот страх неизведанного будет всегда со мной, будто тень или имя.

Но да не о Лавкрафте речь, мой рассказ уже подходит к своему логическому завершению. Я не знаю, будет

ли он наиболее объёмным из всех представленных или же самым качественным, но закончить я хочу своей позицией, касаемо нашего военного конфликта. Я, как и все мои родные, друзья, близкие люди и просто жители города Донецка с нетерпением ждём окончания войны на Донбассе. Причём это самое ожидание уже и вправду многим, если не всем, порядком надоело: сразу на ум приходит ассоциативное восприятие: Первая мировая война, когда на дворе был 1917-й год и обе воюющие стороны, точнее солдатики, участвующие в конфликте – уже просто-напросто устали от него, от всех этих чудовищных событий.

Так вот, тот конфликт длился четыре года, а этот идёт седьмой и судя по обманчивой и какой-то волнистой эскалации (если быть точнее – «приливы и отливы»), не думает заканчиваться. Искренне верю в то, что это всё не затянется как Молдавская кампания или же, не дай Бог, конфликт в Сирии, что по степени разрушения, что по временному отрезку. Лично я не являюсь сторонником или же антагонистом ни Украины, ни России, я, как и все горожане жду, когда уже эти чёрные тучи над нашими головами исчезнут, и все жители Донбасса увидят то самое мирное небо!